

Григорий БЕНЕВИЧ

Григорий Беневич родился в 1956 году в Ленинграде. Закончил Ленинградский политехнический институт; в 1994-1995 годах учился на теологическом факультете Оксфордского университета. Кандидат культурологии. В советский период был автором самиздатских журналов «Обводный канал», «Часы». Стихи и статьи публиковались в журналах «Нева», «НЛО», «Звезда», «Волга», «Новый мир», «Интерпоэзия» и др.

Д Р У Г И Е

Общежитие

Немец кушает морковку
Ежедневно и по многу,
Разгрызая ее ловко,
И зубам его не больно.

Немец... Впрочем, он не немец,
Он австриец, он из Вены,
Но сидит немой как немец,
Ест морковку постоянно.

Мне ж не по зубам морковка,
То есть и не по карману,
И не по здоровью: десна
Слабые и зубы – стары.

Да, и мне бы каротину
Не мешало б, но полезней
Мне его не ненавидеть,
А любить того австрийца

Научиться, того Ганса,
Белобрысого арийца.
Хоть мешают ленинградца
Десны и мое еврейство.

...
Так за что ж здесь ухватиться?
Полюби его... Морковку
Вон как ест, не подступиться,
Полюби его, попробуй!

Если б это был индиец
Добрый, или был эстонец
Бедный,.. полюбить не диво
Их, хоть чем-нибудь подобных.

Здесь же... Только так, д р у г о г о
Встретив, и поймешь, что легче,
Кажется, чтоб был врагом он,
Чем вот так морковку ел бы.

. . .
Может от того и войны,
Что мы, люди, не выносим,
Когда для других не больно
То, что нам кровавит десна?

Тогда в качестве зацепки
Выступает то, что в прошлом
Их, как мы считаем, предки
Виноваты в крови наших.

Так, с неразделенной боли
Начиная, переходим
К ненависти мы, от крови
Собственной – к пролитью крови

В землю общую как в чашу
Общую – взамен причастья
Крови с Плотью, нас, болящих
Исцеляющих от страсти.

Оксфорд, 24.01.95 (общезитие)

В том-то и дело,
что, пока у нас –
гоев и изгоев –
у кого – Антипасха,
у кого – Красная горка,
нацмены (вспоминая словцо
покойной бабушки)
мастрячат евроремонт
у нас в подъезде,

красят, зацепившись за крышу,
очередной фасад
северного модерна –
под халяльную музыку
налаживают Европу.

Так, может, уже преодолены
Оппозиции
иудеев и язычников,
варваров и скифов?..

Триптих о родных и чужих

1.

...Ну, а живущие здесь веками,
не отчуждены ли от языка, не

только насильем властей,
но и тиранией своих страстей.

Ведь чтоб язык был и вправду родным,
быть должен
родным
тот, с кем мы говорим.

Нынче же и по крови родные
часто для нас совершенно чужие.

Что же тогда говорить о чужих,
может ли быть с ними общий язык,

не говоря уже о культуре,
архитектуре и литературе?

Мы нелюбовью отчуждены
от языка, от земли, от страны.

Может, затем и нужны нам чужие,
чтоб нелюбовь навсегда мы изжили,

встретившись, и поняв, что пока
нету родного у нас языка,

коли не можем мы как родных,
хоть и других, приветствовать их.

2.

Встреча с другими (тавтология)

Узбек? Таджики?
Смуглое на лимонном
Веник, совок
– Здравствуйте, – говорю.
– Здравствуйте,
не отрываясь от мусора.
Ниже по лестнице
пожилая
узбечка? таджичка?
Может быть, мать?
Смуглое на лимонном.
– Здравствуйте!
– Здравствуйте!
Каждый кусочек перил
тщательно протирает.
– Спасибо, – говорю, – Вам за работу!

Поднимает глаза:
– Здоровья Вам!
– И Вам тоже здоровья!

3.

И при каждой подобной встрече
мы как будто проходим тест –

есть ли в Родину нашу вечную
пропуск жителю этих мест.

И – живем ли сейчас на Родине
среди близких мы и родных,

или в рабство «в Россию» проданы
и боимся людей чужих?

Евхаристия

Что Евхаристия есть таинство Другого,
Поди попробуй докажи,
Когда нет опыта такого,
А есть одна и та же жизнь,

В которой нечем удивиться,
И так живешь в себе самом,
Даже когда выносят причаститься
Дары Другого, память о Другом.

2015

Хесед

На улицу Милосердия
в конце советской эпохи,
не зная того и этого,
ходил я к Зое Эзрохи.

Была мне старшей сестрой она
и ангелом сфиры «хесед»,
но это сейчас я понял,
задумавшись о том месте,

что недалеко от Карповки,
с ее обителью чудной,
тогда закрытой, но, кажется,
действовавшей подспудно.

Была мне старшей сестрой она,

моей сестрой милосердия,
и умягчала расстроенное
и черствое мое сердце

с собакой Альмой и кошками
в убогом своем жилище,
где столько было хорошего
и пищи для духом нищих.

Голос Другого

Молодость эгоцентрична –
даже лучшего друга
слышишь не как Другого,
а как другого себя.

То есть вовсе не слышишь.
К зрелости понимаешь,
до чего вы другие...
Что же сближало вас?

Только где-то под старость
открываешь внезапно
в старом друге Другого,
слышишь голос его!

Разная оптика

У каждого
своя оптика.

Прежде всего,
замечают
своих
и свое.

Опираясь на трость, –
людей с тростью.

Оставшись
без переднего зуба, –
щербатых.

Еврей (в галуте) – еврея
(словно бы это
отметина или травма).

А вот, художник,
или созерцатель идей...
У них ведь тоже

у каждого
своя оптика,

но как-то по-другому,
в каком-то другом смысле:

видят то,
что не замечали
или не смогли
увидеть другие,
и так,
как не видел
никто.

Мир сузился до ближнего двора,
в котором все уже воспето –
и это дерево, и это,
но вот же – встретил здесь с утра

двух ангелов Другого чернокожих,
великолепной снежной зимой,
и мир расширился на всю планету мой,
и сердце отпустило... Боже! Боже!

декабрь 2021